

Ветеран

Залитая утренним солнцем набережная казалось создавала приятное настроение всем сухумчанам спешащим кто на работу, кто к своей утренней чашке кофе в уютном прибрежном кафе. Привычный для меня каждодневный маршрут в самом начале рабочего дня, от Красного моста до театра. Мне тогда еще не исполнилось и двадцати лет, юнец в возрасте безмятежного оптимизма.

Каждое утро у служебного входа в театр меня встречали два старичка — комендант театра, в прошлом легендарный актер Мамия Баджгович Начкебия, прототип литературного героя одной из повестей М.Лакербая «Лучшая роль», и старенький уже, русский мужичок, служивший в театре вахтером. Они словно караульные всегда стояли по обе стороны служебного входа и подставив себя под ранние лучи солнца, подзаряжались тепловой энергией излучаемой от светила. Петр Ильич, в прошлом видимо был военным, это было по заметно по его, всегда строгой осанке и солдатской выправке. Всегда начисто выбрит и опрятно одетый, в своем неизменном плаще цвета серый беж, с газеткой в руках он легким кивком головы приветствовал меня каждый раз в начале дня. Как-то раз, я присоединившись к их утреннему моциону обратил внимание на то, что под расстегнутым воротником плаща, на лацкане пиджака проблескивая белой мишенью и рубиновой звездой, показался на миг небольшой нагрудный значок. Я попросил Петра Ильича показать мне его, на что он любезно согласился и во всю свою легендарную красоту на свет явился «Ворошиловский стрелок РККА». Поняв мою заинтересованность, старый солдат рассказал мне свою историю.

Будучи в звании лейтенанта, Петр Ильич проходил службу в войсках НКВД, по приказу командования подразделение вверенное ему было командировано из Татарстана, откуда он сам и был родом, приехало в Абхазию и в спешном порядке, и довольно организованно приступили к выполнению приказа по депортации греческого населения массового проживающего на территории Абхазии.

Эшелоны с несчастными людьми, в одночасье сорванных с родных уже земель, покидали веками обжитые места и держали свой трагический путь в степи Казахстана, воистину кровавые сороковые годы прошлого века несли с собой горе и смерть не только на фронтах Великой Отечественной, но и в казалось в относительно безопасной Абхазии.

Много чего рассказал мне старый солдат, о многом я догадываюсь уже сегодня, понимая сколько всего скрыто в маленьком образе красноармейца с винтовкой в руках на фоне алой звезды, которая в свою очередь опирается лучами на мишень. После успешной проведенной «военной операции» Петр Ильич договорился со своим командованием и остался жить в одном из бывших греческих домов, в предгорной деревушке, которая впоследствии прославилась своим питомником по выращиванию роз.

Чайная «У Кукури», пользовавшаяся успехом у студентов того времени, там все стоило один рубль-булочка с маслом, кусочком соленого сыра и чай, просто булочка или просто чай, все по одному рублю. Частенько и я там завтракал, сидя в дальнем углу просторного прямоугольного зала под навесом-шатром, и рассматривал планирующих по набережной прохожих. В один из таких завтраков в почти пустой чайной появился и Петр Ильич, в руках у него был номер «Советской Абхазии», он взглянул на восседающего за стойкой буфетчика Кукури и получив от него молчаливое разрешение пошел к пустым столикам из за которых встали сытые уже посетители, он собирал недоеденные остатки булочек и сыра. Аккуратно сбывая сливочное масло с тарелок и наполняя им пластиковую баночку, заворачивал всю эту нехитрую снедь в газету. Мне стало как-то не по себе, он не заметил меня, я поспешно встал и вышел на улицу.

Как же все таки неисповедим Путь твой Человек.

Сиртаки

—Янис, ты так и будешь все время рассматривать солнце сквозь автоматный ствол? Чистишь, драешь его так, будто готовишь экспонат для домашнего музея. Вдобавок еще и мурлычишь свой Понтовский мотив с самого утра, не надоело?

Вторую неделю мы стоим на территории бывшего дома отдыха «Шицкуара». Ждем приказа о наступлении, резервный батальон наверно самое колоритное подразделение по всей линии Гумистинского фронта. Возрастных ограничений по составу не существует, пацан русский с Гагры, 16 лет ему точно нет, хоть он это и упорно утверждает, пришел к нам уже после формирования, когда мы уже выехали с Гудауты. В тылу нас держали недолго, всего пару дней, как только сколотили батальон наспех, мы уже сами разделились повзводно. Три бывших телевизионщика (Астик, Руслан и я), интересные старики — Абхазы, каждому не меньше 70 лет, держатся особняком. Все трое с одной деревни, слышал от комбата, что в прошлом это очень хорошие охотники. Один из них с длинной седой бородой, траурный водопад выщипавших волос. Командир взвода Валера Б. старше нас лет этак на...надцать, коренной сухумец, со всеми вытекающими от этого обстоятельствами-неунывающий оптимист всегда в кай-фующем расположении духа. Грек Янис, бывший Сухумский фотограф, перед самой войной, в начале лета 1992 года уехал с семьей погостить, на историческую родину, в Грецию. Прямая противоположность моему представлению об эллинах, роста ниже среднего, полноватый и лысый, смугл как арап Петра Великого. С Валерой-комвзвода, они ровесники, да и знакомы еще с довоенного времени. Янис решил, что год войны проведенный без него, это самая большая несправедливость в его жизни, оставил семью и приехал освобождать родную столицу. Перед отправкой на линию фронта привезли «Мухи», одноразовый гранатомет, 200 штук, как сказал комбат по одной шту-

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#272

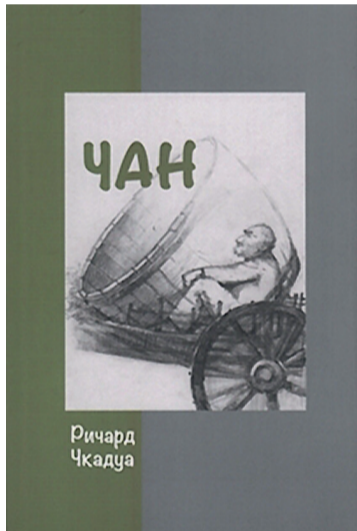
Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com

ИЗ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «ЧАН»—2015 Г.

РИЧАРД ЧКАДУА

Ричард Чкадуа

ке на каждого бойца. Пацаненку Гагринскому мы отдали свои три, неудобная в ношении штука, эта «Муха», заодно и пацан при деле будет, да и оружия у него никакого больше и не было. Осталось только избавиться от новенькой каски, выбрасывать стыдно и жалко, а носить просто невозможно. Как-то раз Сиртаки подсунул мне ее на ужине, сидел в тот момент на пенке у костра. Сиртаки это-Янис, с моей легкой руки эта кличка закрепилась на нем как вошь в волосах.

—Слушай меня аделфос (брат-по гречески) — Сиди на каске пока все не разойдётся после ужина, спокойно встанешь и уйдешь к себе, а каску не бери. Можно считать, что ты ее и не выбросил, типа забыл нарочно.

И все таки Сиртаки — гений, кроме вовремя подсказанных идей он изредка делился с нами хорошими сигаретами купленных им еще в Салониках, и расшедрившись иногда выдавал нам троим скромную порцию Метаксы. Готовили мы зачастую сами, на костре, благо было из чего, макарон и тушенки из избытка. Запасы алкоголь-табачной продукции рассчитанной на ограниченный контингент бывших телевизионщиков, у Сиртаки истощились

уже по истечении первой недели нашего постоа. Во всяком случае нам вскоре уже ничего не перепало.

В ту ночь мы задержались у костра, долго говорили о том, кто чем займется после войны, старички наши ушли отдыхать, Сиртаки рассказывал о своих планах на жизнь, причем связанные они были с его женой и фотографией. Даже не знаю кто именно был на первом месте в его личном рейтинге. Во всяком случае этот энергичный грек обещал, что больше никогда не будет делать портреты в студии, только пейзажи. А в выездах на природу, в охоте за кадрами, его всегда будет сопровождать милейшая супруга. Астик как обычно молча курил, Русик пошел в госпиталь к медсестрам, там у него были знакомые которые всегда варили ему кофе. Бесперывно болтая, Сиртаки возился в своем вещмешке, что-то перекладывая и уплотняя новыми шерстяными носками, видимо его дразжайшая супруга опасалась, что до весны не увидит супруга.

—Чем ты там звенишь в рюкзаке, Сиртаки?

—Это последняя бутылка Метакса, но ты не рассчитывай на нее сейчас, мой абхазский аделфос! Когда войдем в город я ее торжественно разоплю, поднимая тосты во Славу греческого оружия!

—Где это у тебя греческое оружие Сиртаки?! Автомат русский, обмундирование советских времен, воюешь в одном взводе с абхазами, ты где видишь греческое оружие Сиртаки?! Единственное, что тебя согревает здесь, так это теплые носки из шерсти греческих коз. Вытаскивай бутылку из вещмешка, выпьем за интернационал!

—Нет, и еще раз нет! Только в родном городе разоплюем, все вместе, Победу отпразднуем моей Метаксой.

—Вот вроде не жадный ты Янис, но какой-то весь продуманный до мелочей.

На следующее утро нас подняли еще за темно, сонные мы погрузились в автобус, и поехали до Верхнего поста ГАИ в Эшере. Старик с длинной бородой сел рядом со мной в автобусе, положил мне на колени каску-Ари иухаштыт Дад, ига, иухахот нас (Ты забыл это сынок, возьми, пригодится потом).Всю дорогу ехали молча, на бывшем милицейском посту пришлось долго стоять пока грузинский миномет удобрал всю трассу по которой нам надо было проскочить до Верхнего моста. Уже потом, дальше по автодороге, в сам город. Кто-то из стариков-охотников начал петь, остальные его поддержали, даже Сиртаки включился. Страшно хотелось спать, так бывало со мной в минуты сильного страха. Да, признаю, что знаю страх по его ощущениям в себе,

поспал я минут двадцать, касаясь щекой соседнего плеча.

Рассвет, утро и день были очень насыщены, за вечер и последующую ночь перешли границу города. Подошли к первой шестнадцатизэтажке, пройти глубже в город пока никак не получалось. Пацаненок Гагринский был почти весь обвешан «Мухами».Потери ... Неиспользованные гранатометы сложили кучкой, каждый брал с собой уже только самое необходимое. Сиртаки и Валера спали как убитые, я предложил стирить бутылку Метаксы и разлить по флягам. Ниже по трассе домик, сложенный из камня, там медпункт. Русик быстренько сбегал к знакомым медсестричкам и принес большой шприц и новую иглу, Астик аккуратно проткнул крышечку бутылки, вытянули шприцом от туда все содержимое и взамен влили крепко заваренный чай. Я постарался поровну разлить Метаксу по всем флягам нам троим, комвзводу и самому Сиртаки. Наутро перекусив на быструю руку, мы выбрадовали Валеру и Яниса якобы принесенным мною из медпункта спиртом. Перед выходом решили не пить.

Вошли в город. Первая же высотка стала штабом, приехала КШМка, ее поставили с той стороны где не было обстрела. Один из стариков-охотников сильно ранен, его отвезли в Афонский госпиталь, другие двое остались с нами. Пока передышка решили выпить по чуть-чуть, отметить возвращение в освобождаемую столицу. Сиртаки после первой уже как-то подзрительно посмотрел в мою сторону и пошел к своему рюкзаку. Все вещи наши были сложены отдельно, в углу какой-то квартиры на первом этаже дома. Того времени пока он шел мне хватило для того, что бы я бегом поднялся по лестнице, шестнадцать этажей я конечно не одолел в таком темпе, и в районе пятого этажа уже услышал крики Яниса. Вот тут я уже сразу удостоверился в том, что греческий язык никак не уступает русскому в богатстве ненормативной лексики.

—Ты мне больше не брат, слышишь?! Спускайся по хорошему Ричард, ты же прекрасно знал как я должен был отметить свое возвращение домой!

—Сиртаки, если я спущусь ты меня убьешь, ну как я могу добровольно идти на встречу своей смерти?! И не смей подниматься ко мне, я буду стрелять!

—Спускайся, пока прошу по хорошему!

—Я спущусь при одном условии Сиртаки, если позовешь всех наших и в их присутствии ответишь на один мой вопрос. Как они решат так потом со мной и поступишь. Договорились?! Не оставайтесь же нам с тобой в этом доме, ты внизу я наверху. Пока ты караулишь меня, город

будет полностью освобожден, а вдруг еще твоё фотоателье разгромят?!

—Хорошо Ричард, сейчас соберу весь взвод, перед ними за все ответишь!

—Вот скажи мне Сиртаки, ты уже в городе?

—Да!

—Можно считать, что мы уже победили?

—Да конечно, аделфос, мы победили!

—Сиртаки ты выпил свою Метаксу после Победы, находясь в черте города Сухум. Так в чем проблема?! Обет данный тобою никак не нарушен!

—Ах ты хитрый абхаз, поймал меня на слове. Уж так и быть не трону тебя, но учти с тебя бутылка Метаксы, в любой час дня и ночи, в мирном Сухуме!

—Заметано, Сиртаки, за свое я слово отвечаю!

За все послевоенные годы я так и не встретил в Яниса в городе, а в фотоателье которое открылось лишь лет через десять после описываемых событий, работали совсем незнакомые мне люди. В сентябре позапрошлого года иду я своим обычным маршрутом из «ПИНГВИНА» на работу в театр, вечерний спектакль. Прошел бывший сувенирный магазин, что у входа в АМРУ, а там ряд лавочек занятых пожилыми мужчинами, один стоит и громко разговаривает с сидящими товарищами. Тембр показался очень знакомым, но я никак не мог вспомнить где слышал этот голос, совсем уже замедлил шаг, вглянулся в лицо старика и встретился с ним взглядом.

—Аделфос Ричард!

—Сиртаки?! Где ты был все это время, старина?!

—Где меня только не было, а у тебя уже вся борода седая, мой абхазский брат!

—Почемуты плачешь Сиртаки?!

—Я уехал в Салоники после нашей Победы. Я все время уезжаю с одного дома и возвращаюсь в другой свой дом, как же мне не плакать аделфос?!

—У меня есть хороший армянский коньяк Сиртаки, у меня нет Метаксы. Скажи честно, такая замена достойна нашей встречи?

—Конечно мой брат, после твоей работы встретимся на берегу. Я буду ждать тебя аделфос!

—Я не долго, Сиртаки, не уходи никуда, жди меня на Брехаловке. Я быстро вернусь.

Блуждающая память

Театр — словно библиотека, вместо увесистых фолиантов — тени. Тени великих людей — без имен, без обозначений. Только лишь образы, эфемерные, как облака, недосгаемые, как само небо. Оно, опускаясь к человеку, становится вдыхаемым им воздухом. Архив исканий, переживаний, творческих подвигов. Архив забытых людских судеб. Словно войны всех войн, прошедшие сквозь смерть и жизнь, переступившие границу Вечности, победившие собственное тщеславие в битве за собственное обозначение в Творчестве, и исчезнувшие во Времени, растворились... раз творились. Страшные годы репрессий, конец 30-х годов ушедшего века. Молодой актер, задержавшийся после вечерней репетиции, замер, находясь на колосниках. Не видя, как с улицы под покровом ночи

подъехали черные автомобили, не видя людей в форме, не видя арестантов, входивших в здание, остался наедине с неожиданным появлением людей в ночном театре. На сцене шел суд. Самый настоящий, несмотря на всю театральность постановки действия. Судьи были реальными, подсудимые тоже. Красноречие обвинителей, немногословие обвиняемых, сегодня никто не перескажет нам с вами. Приговор — расстрел, в соседней за сценой комнате. Суд окончен, грузовые машины с надписью «Хлеб» на зеленых бортах увозят трупы врагов народа. Власть в скрипучих кожаных пальто, отыграв свои роли, возвращалась в лоно своих семей: играть со своими детьми, ласкать своих жен, просто блуждающая память пить сладкий чай после трудового дня. Идеология всеобщей завершенности — как сверхзадача новой пьесы. Страх медленно отступал, автоматически. Не чувствуя собственного тела, актер спустился к сцене, прошелся по ней, открыл дверь комнаты, в которой стены были забрызганы кровью расстрелянных здесь людей... В театре живут тени, их много — тени великих актеров, тени беспощадных палачей, тени невинных жертв. Никем не прочитанные страницы Истории. Театр — не храм, театр — архив людских судеб.

Джантоу

Сталин заявил о себе, войдя в моё детское сознание не как политик или палач народов, а как явление загадочно-недоступное. Поселок, в котором я родился и вырос, образовался в далеких 40-х годах. Население его, по тем временам довольно не маленькое, что-то около 7–10 тысяч человек, было представлено почти всеми национальностями, образующими СССР. Инфраструктура была развитой и довольно самодостаточной. Детям было раздолье: парк, спортплощадка, огороженная высокой металлической сеткой, через которую мы все-таки умудрялись перебрасывать мяч, играя в футбол. Темнота никак не останавливала нас, детей, благо, яркое освещение располагало к летним забавам и ночью. Школа, кстати, как и большинство жилых домов, была отстроена пленными немцами. Непредсказуемые дороги Второй мировой привели этих умелых строителей, а в прошлом солдат вермахта, в наш горный край. Величественные останки их труда до сих пор служат людям, оставшимся в этом забытом Богом и властями крае. Рядом со школой был разбит небольшой парк, окруженный кустами самшита, огромные платаны величественно красовались над ними, оголяя миру свои кряжистые корни. Видимо, сказочность форм этих исполинских деревьев не желала прятаться под землю и потому служила нам причудливым царственным тронном. Венцом всего этого творения рук человеческих был памятник, вернее, 5–6-метровый постамент, подобно формам парка, прямоугольный и окруженный со всех четырех сторон бетонными лестницами. Самого Большеусого, а точнее, его многократно увеличенную голову, возвышавшуюся над поселком, никто

из моих ровесников не застал. Взрослые не очень-то и охотно рассказывали о том, куда делась гранитная голова. Джан Джантоу — это самое что ни на есть предисловие угольного забоя, дальше и выше — лишь горы и шахта. Асфальтированная автодорога, ведущая из центра Ткуарчала на Джантоу, словно длиннющая змея вползла в ущелье, повторяя собою все изгибы и повороты горной реки, над которой она была проложена. Бурный приток Аалдзги, испещренный мостами и мостиками разной величины, держал свое направление к морю, следовательно, несся навстречу солнцу. Завершали все это великолепие на третьем ярусе поднебесья стальные тросы канатной дороги, протянутые по всей длине дороги и реки. Оттепель 1953-го пришла на Джантоу темной ночью. Откуда-то приехали грузовик с солдатами, тракторы, и металлическая петля огромных размеров была накинута удавкой на самого популярного грузина того времени. Голову успешно сбросили наземь. Подробно-сти транспортировки мне никто не рассказывал, но знаю точно, что голову Сталина сбросили не так далеко от Джантоу, с высокого моста в реку, и она много лет еще была видна людям, проезжающим по мосту на автомобилях. Мне всегда нравилось приходиться на закате к памятнику и смотреть, как под заходящим солнцем блестят отполированные стальные нити канатной дороги, как дорога, извиваясь между гор, уходит в заманчивую неизвестность. Через много лет, после войны, теплой зимой я приехал домой уже со своим сыном. Ему было столько же лет, сколько и мне в те годы, в которых осталось мое детство. Темнело, было тихо, и опустошенность была всевластным владельцем старого школьного парка. Как-то незаметно и тихо к нам подошла моя бывшая соседка Венера, красивая в своей благородной старости женщина. Слова, которые она сказала тогда, врезаются в память: «Все вы уехали, и уже зимой здесь не выпадает снег...»

Шелкопряд

Дерево — дом, в котором тепло и сухо, огромный сухой ствол, поверженный временем. Где-то наверху, в недоступном пока для него небе, разыгрался дождь. Шум, порождаемый им, проникает в глубину высохшего многолетнего ствола, когда-то давно бывшего прекрасным тутовым деревом. Далекие предки маленького червячка поедали его зеленые листья, и если прислушаться, то шум, издаваемый ими, был очень похож на шум дождя, который вносит уют в теплоту кокона. Странность Божьего промысла, безотходная нужность создания подобной твари как шелковичный червь. Вся эволюция мироздания заключена в нем. Яйца шелкопряда, пролежав всю зиму, весной, с появлением первых почек на тутовом дереве, начинают оживать, и в них развиваются гусеницы... Господь создал Землю за неделю, такое же время отведено жизни шелкопряда. Человек живет несколько десятков лет. Маленькая гусеница за все время своего существования

отдает людям до тысяч метров прекрасной шелковой нити. Рай не ко всем приходит после окончания земной жизни. Рай червячка — небо, он достигает его, становясь бабочкой. Рай для человека наступает лишь после смерти. Старое тутовое дерево не умирает, оно дарит людям песнь без слов, песнь, в которой есть и жизнь, и смерть. Старое тутовое дерево зачало в себе дудук, который поведает нам о том, кто в этом мире Господь. Кто червь, а кто человек и за кем из них тянется нить?

Творение

Жизнь — книга, в которой, словно из кирпичиков букв, сложен Храм. Слово — Храм, мы создаем и разрушаем Храмы, словом своим мы приближаемся к Всевышнему. Падаем в пропасть тоже словом. Он основал все на любви: сотворил, творил. Он — Художник и Поэт, ибо писал. Все творчество основано на любви, на такой же любви, за которую Он отдал сына своего. Тысячелетия цивилизации дали миру немало художников, музыкантов, поэтов, людей, продолжавших идти по стезе Творца. Именно такие люди и есть продолжение Его любви. История человечества — словно тяжеленная книга, страницы которой не под силу перевернуть одному человеку, даже самому гениальному и сильному. Чтобы познать смысл написанного в этой книге, надо самому вписать в нее жизнь целого этноса. Вписать слово буквами собственного исторического развития. На самом деле нас не ждет Высший Суд, ибо время не умирает вместе с нами и оно не видоизменяется, как тело человека. Наш Суд всегда с нами, на каждом этапе нашего земного и вневременного существования. Время — это субстанция, которую никогда нельзя объять снаружи, только потому, что жить можно лишь живя в самом Времени. Мы живем, и именно так, как живем сейчас, сию минуту, секунду. Именно это и есть жизнь, именно это и есть творение по Образу и Подобию. Именно в нас всех живет Бог. Задача лишь в том, чтобы сберечь Его в себе.

Морская любовь

Каждое утро она приходила к морю — словно река, впадающая в залив, в том месте, где разрушенный лодочный причал. Она окрашивала соленую воду моря своей пресной чистотой. В ней многое было от воды — походка величественная и плавная, словно гордое течение горной реки, волосы — словно струя водопада. Она приближалась к морю, и оно ждало ее. Это было свидание, к которому они шли целую ночь. Губы ее едва заметно шептали очередное откровение, и только ленивые, тягучие волны, лижущие ржавые сваи причала, были посвящены тайнам этой любви. Ее глаза были частью утреннего неба, так же чисты утренней голубизной, так же глубоки и бездонны, словно никогда не приближающийся к людям горизонт. Брови, словно изогнутые крылья чаек, несли ее взгляд над бесконечной синевой небес. Когда-то давно люди называли его Морем Приветливым — до того времени, пока

сами не попали в бурю, после чего оно стало неприветливым. Когда она перестала по утрам приходиться к морю, оно стало Черным.

Ноша

Дорога извивалась, повторяя собою все изгибы реки. Дорога тоже была рекой — черной, горячей асфальтовой рекой. Годы, прожитые людьми, словно непокорные рыбы битумной реки, плыли когда-то в оба её конца. Полдень. Солнце зависло над головой путника, словно кроме них в этом мире не было больше никого, они были продолжением друг друга — Человек и Светило. Он, шевеля пересохшими губами, словно читая молитву, разговаривал с Солнцем, и оно, в свою очередь, терпеливо выслушивало его. Человек рассказывал Солнцу о своей войне, от которой он уходил по широкой, черной тропе, разделенной прерывистой белой полосой. Когда-то эта река была автострадой. Уходя от войны, не всегда приходишь к миру, отвечало ему Солнце. Самая страшная война — именно та, где по обе стороны фронта говорят на одном и том же языке, где не наступит даже минутной тишины, война, в которой уже никто из воюющих не хочет победить, все боятся лишь проиграть. В такой войне нет стремления к свободе, в ней лишь убийство. Уставший от жизни путник еле передвигал ногами, увязая в расплавленной смоле. Он взвалил Солнце на свои плечи и понес его. В этом мире не осталось никого, кроме них. Когда устанет Человек, Солнце понесет его на своих плечах. Кто-то один из них все равно дойдет до края войны.

Крест лет

Я хочу видеть старость, видеть морщины, хочу видеть обессиленное тело, приютившееся на скамье у моря. Дрожащие кисти рук, сморщенная кожа, выцветшие от времени волосы. Раньше при виде стариков в глаза бросалось благородство их возраста, мудрость их взгляда покоряла своим благодушием. Они были красивы в своих прожитых годах. Сегодня, за редким исключением, люди не доживают до глубокой старости, не доходят до красоты преклонных лет. Молодость зачастую прячется за маской красоты, ее обман в том, что она привлекает мнимым совершенством. Молодые годы — как маска, они скрывают душевные пороки. Тщательность этого сокрытия сегодня все больше ослабевает, стали видны пороки и у юности. Старая, человек все труднее прячет в себе то, что когда-то было известно лишь ему одному. Это — как правило. Но у любого правила есть исключения — крестьяне и священнослужители. Одни проводят свою жизнь в общении с землей, другие идут по пути духовных бесед и учений. Воздействие лет откладывает отпечаток благообразия на внешнюю составляющую человека. Долгожитие стирает национальные черты. Всевышний возвращает этих счастливых на исходную позицию, они становятся больше младенцами, чем стариками. Мудрыми младенцами.